

13. Дорофеєва О. М. Оказіональне слово в сучасній російсько-мовній газетно-журнальній комунікації (комунікативно-прагматичний та соціокогнітивний аспекти) [Текст] : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 / Дорофеєва Олена Миколаївна ; Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. Ін-т філол. – К., 2003. – 20 с.

14. Зацній Ю. А. Сучасний англomовний світ і збагачення словникового складу / Ю. А. Зацній. – Львів : ПІАС, 2007. – 228 с.

15. Зильбер Н. С. Семантические окказионализмы в современном английском языке / Н. С. Зильбер // Іноземна філологія на межі тисячоліть : Міжнар. наук. конф., присвячена 70-річчю факультету іноземних мов, 25–26 квітня 2000 р. : тези доп. – Х. : Константа, 2000. – С. 92–93.

16. Молодчая Н. С. Модель понимания семантических окказионализмов / Н. С. Молодчая // Сучасні проблеми та перспективи дослідження романських і германських мов і літератур : V Міжвуз. конф. молодих учених, 29–31 січня 2007 р. : тези доп. – Донецьк : ДонНУ, 2007 р. – С. 188–189.

17. Молодчая Н. С. Роль механізмів асоціювання в лексико-семантичних транспозиціях / Н. С. Молодчая // Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація : VII Всеукр. наук. конф., 5 лютого 2008 р. : тези доп. – Х. : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2008. – С. 193–194.

Е. Н. Кузова

ВОИНСТВУЮЩИЙ ИДЕАЛИСТ АКИМ ВОЛЫНСКИЙ

Творчество Акима Волынского тесно связано с русской поэзией «серебряного века» и до сих пор остается одной из малоизученных страниц русской литературы.

Вокруг Волынского всю жизнь кипели страсти: его обожали и ненавидели, хвалили и ругали, о его книгах яростно спорили. Философ, литературный критик, искусствовед, писатель, балетовед – он обладал неимоверной эрудицией, образованность его была настолько велика, что, по единодушному признанию современников, во всем написанном им она отразилась лишь в малой, незначительной части.

Все еще не изучено влияние Акима Волынского на литературную критику XX века; а ведь его боготворила литературная молодежь. Волынский был ментором молодой петербургской литературоведческой науки. Чуть ли не первым он применил к литературе понятия и методы мышления, принятые в искусствоведении. Его эссеистика 20-х годов фактически закладывает основы сравнительной культурологии и семиотики культуры. Именно Волынский впервые в русской критике заговорил о сексуальной психопатологии (в разборах Леонардо и Достоевского) и обратился к теме телесности, начав изучать символику тела в литературе и искусстве.

Критики отзывались об Акиме Волынском неоднозначно. Одни называли его убежденным пассеистом, отмечая, что в какую бы область он не вторгнулся – критика, театр, искусствоведение, – он начинал с пересмотра руководящих идей, призывая вернуться к первоисточнику, очистить сложившиеся формы искусства от позднейших наслоений. Он всюду искал первооснову, и искал неистово. «Он умел трудиться с такой самоотверженностью, с какой молились древние отшельники», – писал о нем Константин Федин [1, с. 92].

Другие видели в Акиме Волынском истинно книжного человека: подлинного библиографа и сочинителя. Как отмечает Вадим Гаевский, «меблировка его небогатой петербургской квартиры состояла главным образом из книжных шкафов и книжных полок. Старинные фолианты, гроссбухи и солидные тома окружали этого человека, читавшего на всех европейских языках и, казалось, вобравшего в себя едва ли не всю книжную премудрость. По типу культуры это был русский энциклопедист, а по внешнему облику он отдаленно напоминал образованного флорентийского монаха...» [5, с. 25].

Третьи говорили о странности и экзотичности Акима Волынского на всех этапах его литературной карьеры: знаток святых отцов в роли балетного обозревателя, борец с антисемитизмом, один из первых русских сионистов – и он же влюбленный интерпретатор Достоевского.

Однако все критики увидели в Акиме Волынском то цельное, что является знаковым для литератора: этот страстный и, казалось бы, сухой адепт рационализма всегда одушевлялся тягой

к духовности; подспудно во всем его творчестве бился религиозный пульс, сильнее всего проступивший в поздних неопубликованных трудах. В них «наиболее ярко выявляется и особенность, «инакость», роковая несвоевременность Волынского: это ясная вера в возможности разума, противостояние всяческому мистицизму – при сохранении верности высшим духовным принципам» [2, с. 9].

Большое влияние на формирование мировоззрения Акима Волынского оказало его обучение на юридическом факультете Петербургского университета (он был зачислен сразу на стипендию, что для еврейского юноши было немислимым успехом). После окончания университета ему предложили остаться на кафедре права, но Волынский отказался: «Я хочу быть не профессором, а литератором». К этому времени он поменял фамилию Флексер на псевдоним Аким Волынский, именно так он подписал свою первую работу «Теолого-политическое учение Спинозы».

В 18-летнем возрасте Волынский стал печататься в популярном журнале «Северный вестник», в котором в течение десяти лет, вплоть до закрытия журнала, вел отдел «Литературные заметки». Но это были не просто обзоры литературных новинок, но и глубокие статьи о творчестве Толстого, Гончарова, Достоевского и других мастеров русской литературы. «К концу XIX века окончательно оформились взгляды Волынского, и он ставит впереди всего внутреннее духовное начало, власть души, морали, свободной воли. Исходя из такой идеалистической позиции, Волынский призывал вождей народничества бороться не за социально-политическое переустройство общества, а за духовную революцию, то есть сначала перестроить человека, а уж потом общество» [4, с. 34]. Статьи на эту тему, собранные в книге Волынского «Борьба за идеализм», были изданы в 1900 году. Книга вызвала резкое неприятие и справа, и слева. Недовольны были и либералы, и консерваторы. Такое же неудовольствие вызвал Аким Волынский своей попыткой пересмотреть эстетические взгляды Белинского, Добролюбова и Чернышевского.

Не удалась дружба Волынского и с символистами, которых он охотно печатал в «Северном вестнике». Но как только он начал их критиковать, то и Мережковский, и Зинаида Гиппиус, и Сологуб,

и другие отвернулись от него. Своим союзником Волынский избрал... Леонардо да Винчи, о котором он написал обширный том. За эту работу Волынский был избран почетным гражданином Милана, а его имя присвоили комнате в библиотеке Леонардо, куда он передал свою коллекцию материалов о великом художнике.

Поиски «новой красоты» в искусстве привели Волынского в театр. В течение некоторого времени он заведовал репертуарным отделом в Драматическом театре Веры Комиссаржевской и существенно повлиял на концепцию постановок «Гедды Габлер» Ибсена и «Чайки» Чехова.

Во время «скитаний» по Греции и Италии Волынский, как пишет его биограф Эрих Голлербах, «убедился, между прочим, в том, что античный театр есть по существу – балетный театр». Балет стал последним увлечением Акима Волынского, ему он отдал свои последние 15 лет жизни. В ритуальных танцах эллинов он увидел первооснову балета и сделал отчаянную попытку реконструировать ритуальный смысл отдельных балетных движений. Свои революционные идеи Волынский изложил в работе «Книга ликований», которая вышла в 1925 году тиражом всего в три тысячи экземпляров. Не признанная официально, она получила неофициальный статус легендарной книги.

Для специалистов «Книга ликований» стала не только настольной книгой, но и настоящим «пиршеством слова». В ней Волынский превзошел самого себя в лингвистической роскоши. Россыпь эпитетов и метафор, удивительное сочетание слов – все это напоминало какую-то декоративную восточную феерию. Вместе с тем «Книга ликований» очень профессиональная, почти технологическая книга» [1, с. 45].

Волынский поражал своих современников широтой религиозных интересов, главное место в которых с начала 90-х годов занимало христианство: он создал внутри русской критики область религиозно-философской эссеистики вокруг неохристианства Достоевского. Волынский шел от «почвенничества», при том, что место еврейства в русской культуре по преимуществу было слева: такой радикализм пути, выбранного Волынским, потрясал, оgorашивал. Это была попытка не пристроиться с либерального

боку, а перекинуть мост – или самому стать таким мостом – именно между «центрами» двух культур – своей и чужой.

Одной из главных категорий, вводимых Волынским для целей сопоставления культур, оказывается «габима». Размышления его явно спровоцированы ленинградскими триумфами «Габимы» – еврейской студии МХТ, ставшей самостоятельным театром. Начиная со статей о еврейском театре, из рецензии переросших чуть ли ни в еврейскую антропологию или даже «феноменологию духа», Волынский обращает свои высказывания на еврейскую тему непосредственно к этой труппе. Отношение Волынского к еврейскому национальному возрождению двойственно: он приветствует все «духовное» в нем и с глубоким скепсисом относится к попытке ликвидации еврейской уникальности.

У Волынского «габима» – «помост» – это такой этап духовного развития общества, когда ритуал богослужения ограничен жертвенным помостом – габимой, а жрецы-актеры противопоставлены пассивно взирающей толпе зрителей. «Габима» – театрализованный культ, навязывает театральный ритуализм и обыденной жизни: это ритуалы светской, придворной, цеховой жизни, украшенный быт, социальный и костюмный церемониал, а потом светское искусство Европы – представление, развернутое фасом на пассивного зрителя» [3, с. 201].

Хотя о Волынском как писателе еврейской темы в России не сохранилось памяти, нет никакого сомнения, что и устная аура, существовавшая вокруг Волынского, и статьи его о еврейском театре, и «Гиперборейский гимн», машинописный экземпляр которого хранился у руководителей «Габимы» до 1925 г., когда его конфисковали при обыске, – все это вошло в сознание первого поколения деятелей новой культуры, создававшейся на иврите. В ней о Волынском как об отце-основателе «Габимы», первом ее идеологе, объяснившем актерам самих себя, придумавшем нового еврейского человека, – помнили еще в 80-е годы нашего века.

А с другой стороны, когда дойдет дело до новых религиозных диалогов, союзов и синтезов, имя Волынского вспомнится первым в его России, которая его отвергла.

Список литературы

1. Владиславлев И. В. Русские писатели / И. В. Владиславлев. – 4-е изд. – Гиз, 1924.
2. Королицкий М. С. А. Л. Вольнский. Странички воспоминаний / М. С. Королицкий. – Л. : Academia, 1928. – 24 с.
3. Межуев Б. В. Аким Вольнский и Вл. Соловьев / Б. В. Межуев // Соловьевские исследования : период. сб. науч. тр. / отв. ред. М. В. Максимов. – Иваново. – 2004. – Вып. 14. – С. 194–213.
4. Молоствов Н. Г. Борец за идеализм / Н. Г. Молоствов. – Рига, 1902 (2-е изд., доп., СПб., 1903).
5. Памяти А. Л. Вольнского / под ред. П. Медведева. – 1928.

М. Ю. Мудрак

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КОММУНИКАЦИИ

Истоки коммуникации связаны с изучением социальных факторов, способствующих формированию социального знания и оценочных категорий коммуникации. Сегодня она применяется в трех методологических контекстах.

Первый методологический подход базируется на *классической позитивистской методологии* субъектно-объектных диспозиций. Он представлен концепциями структурного функционализма, системного подхода, информационного общества, технологического детерминизма и др. Онтология социальных коммуникаций в данном подходе основывается на системных связях и функциях. Коммуникативные технологии ставят задачу сконструировать желаемые образ определенного субъекта и социальные связи в системе. В управленческом аспекте данный подход можно сравнить с принципом классической кибернетики, который предполагает жесткий контроль над поведением системы, при котором исключаются все ненужные взаимосвязи. В 50-х годах структурный функционализм внес изменения в теоретическую ориентацию коммуникации, в которой понятие эффективности было дополнено понятиями функции и дисфункции, а объектом